

Старик Ли пригласил в гости своего старого друга с дочерью. Он уже успел всю расписать картины Ли Сяньфу, которые тот привез из поездки в Яочуань, и теперь собирался показать их гостям. Кто же знал, что Ли Шаша, желая помочь, сделает только хуже? Уходя, он оставил дверь приоткрытой, и теперь сквозь щель все, что происходило в комнате, было видно как на ладони.

— Папа, — позвал Ли Сяньфу.

Хмель тут же немного выветрился из его головы. Въевшееся за долгие годы в подсознание стремление «блюсти чистоту» заставило его среагировать мгновенно: он сорвал портьеру и попытался прикрыть ею фигуру на большом проекционном экране.

Глядя на штору, заменившую рубашку, Цинь Цзинь совершенно невозмутимо заметил:

— Если так сильно хочешь меня прикрыть, советую просто выключить компьютер.

— ...

Ли Сяньфу неловко кашлянул, понимая, что погорячился. В конце концов, собеседник на экране всего лишь был без рубашки.

В комнате воцарилась тишина.

— Ли... Сян... Фу... — сквозь зубы процедил старик Ли после долгой паузы. У него даже скулы сводило от ярости. Он боялся представить, с какими лицами стоят за его спиной старый друг и его дочь, а его собственное лицо уже так потемнело от гнева, что готово было почернеть.

Помолчав секунду, Ли Сяньфу попытался спасти положение:

— ...Папа, не поймите неправильно. Мы занимаемся искусством.

От автора: Искусство просит его сюда не приплетать.

Перед посторонними людьми позорить сына означало позорить и самого себя. Каким бы нелепым ни казалось это оправдание, старик Ли натянул вымученную улыбку и с фальшивым дружелюбием спросил:

— Неужели?

Ли Сяньфу развернул мольберт, демонстрируя превосходный портрет.

Против столь весомого доказательства старику Ли возразить было нечего.

Ли Сяньфу заглянул за спину отца, поднялся и вежливо поздоровался, а затем перевел взгляд на натянуто улыбающегося родителя:

— Твои гости?

Стоя спиной к пришедшим, старик Ли глубоко вздохнул, беря себя в руки, и повернулся, чтобы представить их:

— Это твой дядя Чжао и его дочь.

Девушка вежливо протянула руку:

— Здравствуйте. Меня зовут Чжао Ичжу.

Напряжение в комнате наконец немного спало. Старик Ли кашлянул:

— Помнишь ее? В детстве вы с Ичжу частенько играли вместе.

Ли Сянфу честно покачал головой.

Дядя Чжао добродушно рассмеялся:

— Столько лет прошло, откуда ему помнить!

Видя, что гости начали обмениваться любезностями прямо посреди комнаты, Ли Сянфу поспешил представить еще одного человека. Указав на Цинь Цзиня на экране, он произнес:

— Это господин Цинь Цзинь. Мой приглашенный натурщик и... друг.

На последнем слове в его голосе проскользнула невольная заминка.

Цинь Цзинь за последние два года стал, пожалуй, самой яркой фигурой в деловых кругах, так что отец и дочь Чжао, разумеется, сразу его узнали.

Но общаться в подобной обстановке было крайне неловко. Отец и дочь во все глаза смотрели на проекцию, выдавливая дежурные фразы:

— Рады знакомству, много о вас слышали.

Дядя Чжао бросал на экран озадаченные взгляды. О вражде между семьей Ли и семьей Цинь давно слагали легенды, но сейчас именно Ли Сянфу, виновник всех былых раздоров, спокойно общался с Цинь Цзинем. У дяди Чжао это просто в голове не укладывалось.

Ли Сянфу приоткрыл окно, чтобы впустить свежий воздух и выветрить хмель, бросил экрану: «Свяжемся позже» — и отключил видеосвязь.

Проекция погасла, и странная, натянутая атмосфера в комнате сразу стала куда дружелюбнее.

Чжао Ичжу украдкой осмотрелась: мольберт, гуцинь, флейта... на столе она заметила даже игольник. И все эти вещи ничуть не нарушали безупречный порядок — даже покрывало на кровати лежало без единой складочки.

Словом, хозяин комнаты обустроил свой быт утонченнее и аккуратнее, чем иная девушка.

— Барышня Чжао... — позвал ее Ли Сянфу, заметив, что гостя замешкалась.

Чжао Ичжу опомнилась и тихонько рассмеялась. Остальные тоже заулыбались, посчитав такое старомодное обращение шутливой вежливостью.

Вдруг взгляд девушки зацепился за стену, и она снова замерла в удивлении:

— Иероглифы у вас на стене... В них чувствуется сильный характер.

— Это мой прежний девиз, — пояснил Ли Сянфу.

Старик Ли почти никогда не заглядывал в комнату младшего сына, поэтому тоже поднял

взгляд. На стене летящим, уверенным почерком было выведено знаменитое двусишие: «Пусть кости мои обратятся в прах — пред миром я чистоту сохраню».

Сама по себе строчка была прекрасной, но в сочетании с валяющейся на полу шторой и недавними отчаянными попытками Ли Сяньфу прикрыть голый торс Цинь Цзиня на экране вся эта картина выглядела как-то двусмысленно.

— Давайте спустимся в гостиную, — вовремя предложил Ли Сяньфу. — Я заварю чай.

После этого инцидента никто больше не заикался о просмотре картин.

Достав изысканный чайный набор, Ли Сяньфу принялся за дело. Движения его были отточены. Никто из гостей не вникал в строгое соблюдение ритуала заваривания — все внимание невольно приковывали его изящные пальцы и нежно-зеленые чайные почки. Сочный зеленый цвет выгодно подчеркивал белизну кожи, превращая весь процесс в невероятно эстетичное зрелище.

Чжао Ичжу не умела ценить чай, и вкус показался ей просто горьковатым с легким сладким послевкусием.

Обычно пожилые люди при встрече принимаются хвастаться своими детьми, но бурное прошлое Ли Сяньфу не давало поводов для гордости, так что разговор быстро перетек на обсуждение последних светских новостей.

— Генеральный директор «Сяошо Медиа» на днях собирается объявить о помолвке, — поделился дядя Чжао.

Старик Ли приподнял брови:

— О как? А я-то думал, эта девица так никогда и не создаст семью.

Дядя Чжао со вздохом кивнул:

— И ведь это не брак по расчету. Говорят, жених — человек совершенно простой и безвестный.

Из их слов Ли Сяньфу воссоздал картину происходящего. Нынешняя руководительница «Сяошо Медиа» была женщиной, и в ее жизни в полной мере воплотилась вся изнанка богатых семей: родная мать предпочитала ей сыновей, а бастард едва не лишил ее жизни при покушении. Однако около трех лет назад она неожиданно переломила ход игры. Раздобыв откуда-то доказательства, она отправила за решетку чуть ли не всю свою родню.

— Раз в семье творилось такое, — Ли Сяньфу сделал глоток чая и поинтересовался, — акции компании не пострадали?

Собеседники дружно рассмеялись. Дядя Чжао махнул рукой:

— При определенных скандалах котировки, наоборот, только идут вверх.

Будучи мастером на все руки, Ли Сяньфу тем не менее не смыслил в коммерции, поэтому просто принял это к сведению.

Старик Ли задумчиво проговорил:

— А мне вот любопытно, что из себя представляет ее жених. Наверняка парень непростой.

Заставить женщину, прошедшую через семейный ад и предательство, согласиться на брак, мог либо мужчина с исключительно чистым и искренним сердцем, либо искусный интриган.

Чжао Ичжу достала телефон:

— Репортеры успели сделать один снимок.

Она нашла новостную заметку за прошлую неделю. На прикрепленном фото в подземном паркинге мужчина садился в машину. Его лицо выглядело слишком молодым, сохраняя юношеские черты. Ли Сяньфу невольно взгляделся в снимок — выражение лица показалось ему смутно знакомым.

Они побеседовали еще немного, и под бдительным взором старика Ли молодые люди наконец обменялись контактами в мессенджере, получив желанную свободу.

Поскольку вечером их ждала встреча, Чжао Ичжу с отцом вскоре откланялись. После их ухода старик Ли почувствовал усталость и решил подняться к себе в спальню.

Перед уходом он смерил Ли Сяньфу выразительным взглядом:

— Кажется, я уже не раз просил тебя держаться подальше от Цинь Цзиня.

Ли Сяньфу с серьезным видом возразил:

— Сестра поставила ему пять с половиной баллов.

Ли Сичунь умел разбираться в людях. Те, кто при первой встрече получал два-три балла, явно не заслуживали доверия; те, кто набирал выше семи, как правило, искусно притворялись. Пять баллов считались идеальной «золотой серединой» — репутация человека из этого диапазона обычно не вызывала серьезных сомнений.

Старик Ли только тяжело вздохнул, не найдя что ответить.

В гостиной воцарилась тишина.

Ли Сяньфу нашел ту самую статью и, устроившись на диване, принялся внимательно рассматривать увеличенное изображение.

Он хорошо разбирался в пластической анатомии, и структура лица мужчины на снимке показалась ему неестественной. Он попытался найти больше информации в сети, но сведений о женихе оказалось ничтожно мало.

— Папа.

Пальцы Ли Сяньфу дрогнули, он поднял голову и удивленно спросил:

— Ты когда вошел?

— Три минуты назад, — пропустив мимо ушей чужую рассеянность, Ли Шаша деликатно завел разговор о том, что хотел бы отпроситься еще на несколько дней.

На этот раз Ли Сяньфу проявил неожиданную уступчивость и согласился продлить ему отгул до начала следующей рабочей недели.

Ли Шаша, довольный успехом, полюбопытствовал, что именно привлекло внимание отца.

— Выражение лица, глаза, — Ли Сянфу указал на слегка улыбающегося мужчину на снимке, а затем открыл другую фотографию, сделанную ранее в старом доме Цинь Цзиня.

Ли Шаша обладал острым зрением. Он сразу заметил, что хотя лица на снимках разные, улыбались эти люди одинаково. Даже ямочки на щеках и изгиб уголков глаз пугающе совпадали.

— На семейном портрете, когда Цинь Цзяюй улыбается, ее левый большой палец непроизвольно прижимает середину указательного. У человека на фото то же самое, — спокойно произнес Ли Сянфу. — Лицо можно изменить, но привычки въедаются в кости.

Ли Шаша поднял глаза:

— Ты подозреваешь, что он и Цинь Цзяюй — одно лицо?

Ли Сянфу кивнул:

— Если бы Цинь Цзяюй неожиданно вернулась под своим прежним именем, это неизбежно вызвало бы бурю. К тому же, дела, которые она проворачивает, явно требуют солидной финансовой поддержки.

<http://bllate.org/book/18300/1757078>